

ЛУИ ПЭНТО

Эскиз философского поля Франции в 1960–80-е гг.*

Философы на страницах журналов: видимое и невидимое

Как вычленить совокупность философов — по каким критериям? Описание структуры философского поля ставит исследователя перед дилеммой: либо, следуя внутрифилософским дискурсам, подвергнуться риску принять без вопросов и сомнений принципы классификации, явно принадлежащие самим авторам (такие как «западная метафизика», «постмодерн» и т.д.) и абстрагироваться от их практического использования в борьбе, предметом которой является как раз установление правил игры и состава игроков; либо, если исследователь стремится принять во внимание некоторые «объективные» показатели — а чем еще они могут быть, как не показателями, объективированными самой институцией? — он рискует пренебречь собственно дискурсами, а, следовательно, и внутренними принципами дифференциации, которые в них содержатся. Чтобы избежать подобной дилеммы, соблазн которой состоит в возможности проклассифицировать индивидов и представленные ими продукты как совершенно уникальные и несопоставимые, можно воспользоваться методом, отправляющимся от такой привилегированной продукции [философского поля] как журналы: журналы обладают тем преимуществом, что дают одинаково ясное представление о «качественной» логике внутрифилософской оценки стилей и содержания и о логике статистического распределения авторов. В самом деле, сотрудничать с тем или иным журналом значит не только предлагать ему свою статью, но и совершать акт интеллектуального самоопределения, напрямую связанного с механизмами, которые порождают близость или несовместимость между интеллектуально (а значит и социально) определенными индивидами¹.

Чтобы учесть разнообразие определений философского дискурса, необходимо расширить список журналов, отобранных для анализа, не ограничи-

* Фрагменты главы 2 из: Pinto L. *Les philosophes entre le lycée et l'avant-garde*. Paris: Harmattan, 1987.

¹ Безусловно, изучение других типов интеллектуальной продукции, таких как кандидатские диссертации или промежуточные работы (эссе и т.п.) тоже может быть полезным. Но пространство журналов обладает тем преимуществом, что предоставляет для анализа наиболее обширный и разнообразный корпус философской продукции, поэтому ни одна из точек зрения в философском поле не получает абсолютного преимущества.

ваясь корпусом изданий, адресованных профессиональным философам, и в частности, пользующихся устойчивой университетской репутацией. Поэтому нам показалось уместным к списку университетских философских журналов («Философские архивы», «Философские исследования», «Журнал метафизики и морали», «Философский журнал»*) добавить следующие интеллектуальные журналы: «Критик», «Эспри», «Ле Деба»**.

Состав этого списка, разумеется, можно оспорить. С одной стороны, мы могли бы включить сюда университетские журналы, специализирующиеся в определенном разделе философии (история науки, древняя философия, теология...). С другой стороны, можно было бы рассмотреть большее число интеллектуальных журналов: например, включить сюда также «Ле Тан Модерн»***, но нам представляется, что в рассматриваемый период этот журнал занимает маргинальную позицию в философском производстве. В целом, список отобранных журналов призван дать представление об университетском философском производстве без того сдвига, который неизбежно повлекло бы за собой принятие в расчет различных «специализаций» (хотя само понятие «специализации», несомненно, очень условно в отношении к понятию «общей философии»). Что же касается отобранных интеллектуальных журналов, их достоинство состоит в их значительной заметности (измеряемой тиражами, известностью членов редакции и т.д.), но ясно, что ни один формальный критерий не позволяет с полной строгостью составить «верный список». Численность авторов и число статей не совпадают, поскольку:

- один и тот же автор может иметь несколько статей;
 - при подсчете авторов мы исключили тех, чья профессиональная деятельность протекает вне Франции: в большинстве подобных случаев речь идет о философях, чья статья была переведена на французский для данного журнала.
- Подсчеты были произведены за четыре года (с 1982 по 1985).

При выбранном нами методе вырисовывается явная оппозиция между философским производством исключительно университетского характера и философским производством хотя бы частично внеуниверситетским. Эта оппозиция проявляется как в содержательных характеристиках, так и в характеристиках сотрудников журналов.

Доминантой университетских философских журналов является один единственный раздел — история философии, — в котором публикуется 58% статей². Следует добавить, что в рамках этого раздела, подавляющий вес имеют «классические» авторы — начиная с греческих философов и заканчивая немецкими идеалистами — которые составляют 77% авторов, упомянутых в названиях статей; с другой стороны, можно отметить особое место, занимаемое философами французской спиритуалистской традиции, такими как Мэн де Биран или Равессон (11%), значение которых становится явственней в сравнении с довольно маргинальной позицией, занимаемой философами феноменологического и экзистенциалистского толка (6%). Поэтому основная функция, которую, как можно заключить, выполняют данные журналы — это сохранение ученой традиции, подтверждением чему служит незначительная представленность в них более новаторских сюжетов: эпистемология, история наук, философия языка (14%) и современные авторы (5%). Относительный вес университетской институции подтвержда-

* Archives de philosophie, Etudes philosophiques, Revue de métaphysique et de morale, Revue philosophique. — Прим. перев.

** Critique, Esprit, Le Débat. — Прим. перев.

*** Les Temps modernes. — Прим. перев.

² Без учета рецензий.

ет доля (67%) сотрудников обладающих университетским философским статусом (в университетах и НЦНИ*); состав редакций, в которых преобладает университетская профессура, рекрутируемая в основном из историков философии; в целом слабая степень участия сотрудников в одном из трех интеллектуальных журналов, выбранных нами для подсчета (7%).

Иное положение дел наблюдается в интеллектуальных журналах. Во-первых, речь идет о журналах, освещающих далеко не только философские вопросы, о чем свидетельствует их относительно большой тираж³. За четыре года количество в широком смысле философских статей составляет 49 в «Критик», 44 в «Эспри» и 15 в «Ле Деба». Таким образом, можно ожидать что, во-вторых, эти журналы навязывают определение философской продукции в соответствии со своим общим видением интеллектуальных интересов, а значит, относительно независимо от иерархий, присущих университетским журналам: в каждом из рассматриваемых интеллектуальных журналов можно наблюдать уменьшение удельного веса истории философии, и, соответственно — тенденцию к увеличению числа статей, посвященных настоящему времени, а точнее, «духу времени» («современность», «постмодерн», «серьезные проблемы» в этике или политике).

Философия в университетских журналах (в процентах)

<i>Рубрики</i>	<i>Статьи (N=407)</i>
История философии	58
Общие понятия, метафизика	10
Современные авторы	5
Эпистемология, история науки	14
Разные авторы, писатели	10
Итого	100

Философия в интеллектуальных журналах (в процентах)

<i>Рубрики</i>	<i>«Критик» N=49</i>	<i>«Ле Деба» N=15</i>	<i>«Эспри» N=44</i>
История философии	4	0	0
Общие понятия, метафизика	4	0	20
Современные авторы и течения	16	33	43*
Политическая философия, «современный мир»	22	26	31
Логика, эпистемология, история науки	28	20	0
Эстетика	8	0	2
Разное	16	3	2

* включая специальный выпуск «Мерло-Понти»
Подсчеты осуществлены за 1982, 1983, 1984, 1985 годы.

* НЦНИ (CNRS) — Национальный центр научных исследований, централизованная структура, объединяющая множество научных институтов и центров, подобно Российской Академии наук. — *Прим. перев.*

³ Средний тираж: «Критик» — 2500; «Эспри» — 7000; «Ле Деба» — 5000; «Философские архивы» — 1000; «Философские исследования» — 1400; «Философский журнал» — 1500; «Журнал мета-

Выбор тем обусловлен различием между этими журналами, которое можно связать прежде всего с их позицией в интеллектуальном пространстве и с их историей, конечным результатом которой стала эта позиция. «Критик» отличается, с одной стороны, от «Ле Деба» — в первую очередь большим числом статей, посвященных философии, и, с другой стороны, от «Эспри» — разнообразием затронутых философских сюжетов: этот журнал, кажется, более всего соответствует внутренним критериям интеллектуальной актуальности⁴, о чем свидетельствует как то, что он не отдает негласного предпочтения более-менее явственно политическим сюжетам, так и его открытость к маргинальной и даже авангардной интеллектуальной продукции, включая такие «эзотерические» области, как эпистемология или анализ языка. Интерес к политическим сюжетам, которому придается более или менее философская форма — то общее, что сближает «Эспри» и «Ле Деба»: в первом журнале этот интерес вписывается в специфически персоналистскую традицию бдительности «человека» в «Граде» («la Cite»); во втором он отражает почти явное намерение способствовать обмену между интеллектуальным и политико-административным полями, о чем свидетельствует и широкая представленность среди авторов журнала таких посредников между полями, какими нередко оказываются историки и особенно «политологи» (профессоры политических наук, журналисты и т.д.)⁵.

Университетские журналы часто отводят почти целый выпуск отдельным авторам, школам, периодам: «исследования по древней философии» («Философский журнал», 1982), «греческая философия» («Философские исследования», 1982), «Лейбниц-Беркли» («Философский журнал», 1983), «Спиноза в Германии», «молодой Декарт» («Философские архивы», 1983), Дидро («Философский журнал», «Журнал метафизики и морали», 1984), Бэкон («Философские исследования», 1985), Гоббс («Философские архивы», 1985)...

Интеллектуальные журналы освещают сюжеты, которые либо второстепенны, либо вовсе отсутствуют на страницах университетских журналов. «Эспри» уделяет внимание «политической философии», о чем говорят рубрики указателя: через эту категорию определяются темы, связанные с текущим моментом — «права человека», «терроризм», «либерализм»... Кроме того, статьи посвящены авторам, которые считаются «своими»: авторы-персоналисты, авторы христианской ориентации (П. Рикер) или евреи (Э. Левинас), Мерло-Понти (специальный выпуск). «Критик» публикует статьи, посвященные авторам (Адорно, Бенямин), на которых ссылаются философы авангарда, статьи по «постмодерну», аналитической философии, феноменологии Гуссерля... «Ле Деба» посвящает статьи прежде всего политике и науке — темам, которые, впрочем, широко представлены и за рамками философских статей.

физики и морали» — 1500. (Источник: International directory of philosophy and philosophers 1982–85). Разумеется, эти цифры следует рассматривать с долей осторожности, поскольку они приведены в соответствии с заявлением редакторов и членов редакций журналов.

⁴ Относительную дистанцию по отношению к университетской институции можно расценить как своеобразный показатель этого соответствия. Из 27 авторов «Критик» пишущих статьи по философии, 14 являются университетскими философами и 8 — сотрудниками в университетских журналах. Эти же численные показатели: для «Эспри» — 32, 12 и 6; для «Ле Деба» — 14, 6 и 3.

⁵ При рассмотрении состава дирекций и/или редакций, оказывается что «Эспри» располагается относительно дальше от университетского мира, чем «Критик», где появляются такие имена, как Жак Деррида, Мишель Сер, Винсен Декомб, и чем «Ле Деба», глава которого, Пьер Нора, — профессор истории в Высшей Школе социальных наук и редактор серии в издательстве «Галлимар».

Наличие внеуниверситетского определения философской деятельности подтверждается, наконец, тем фактом, что среди сотрудников рассматриваемых интеллектуальных журналов существует подгруппа авторов, которые пишут только в эти журналы. Если принять во внимание критерий обладания университетским философским статусом, можно утверждать, что в этой подгруппе у большинства авторов (23 из 36) его нет, а значит, они обязаны этой привилегией — заниматься философскими сюжетами — прежде всего размыванию границ, которые традиционно утверждались между университетскими дисциплинами и даже в большей степени — между ученой продукцией и публицистикой или журналистикой. Некоторые из этих авторов утвердились в качестве философов во многом благодаря своему участию в сети интеллектуальных журналов и в прессе, адресованной образованной публике, поскольку они зачастую привлекались этими изданиями на разнообразные должности: критика, организатора дискуссий, члена жюри и т.п. В качестве примера можно привести Оливье Монгена, члена редакции «Эспри»; Робера Маджиори, преподавателя лицея, автора эссе и рецензента философских работ в газете «Либерасьон», члена редакции «Критик»; и особенно Франсуа Жоржа, ведущего заседаний в Национальной Ассамблее (прежде преподавателя лицея), автора эссе и романов, директора журнала «Свободный разум» («Liberté de l'esprit»), в разное время члена редакций различных изданий («Тан Модерн», «Критик»).

Неслучайность связи автора с тем или иным журналом можно оценить на основе такого показателя, как публикация в нем по меньшей мере двух статей. В «Критик» мы находим Винсена Декомба, Паскаля Энжела, Франсуа Жорджа, Пьера Генансиа, Пьера Жакоба, Жан-Франсуа Лиотара, Робера Маджиори, Райнера Рошлица; в «Ле Деба» — Жюль Липовецки; в «Эспри» — Жан-Мишеля Беньера, Марию Дараки, Люка Ферри, Клода Лефора, Эммануэля Левинаса, Оливье Монгена, Алена Рено, Поля Рикера. Некоторые из этих авторов сотрудничают в двух журналах: Винсен Декомб, Франсуа Жорж, Кршиштоф Помиан («Критик» и «Ле Деба»), Пьер Ливе, Жан-Франсуа Лиотар («Критик», «Эспри»), Мишель де Серто, Люк Ферри, Жиль Липовецки, Ален Рено («Ле Деба», «Эспри»). Наконец, некоторые авторы сотрудничают одновременно с университетскими и с интеллектуальными журналами: Жан-Мишель Беньер, Винсен Декомб, Жан-Клод Дюмонсель, Паскаль Энжел, Люк Ферри, Мишель Фуко, Эммануэль Левинас, Пьер Ливе, Эдмон Ортиг, Жак Пулен, Поль Рикер, Жан-Фабьен Шпиц, Андре Тозель.

Что же касается присутствия университетских философов в подгруппе авторов, которая сотрудничает исключительно с интеллектуальными журналами (13 из 36), оно во многом представляется эффектом оппозиции между ученым производством, напрямую зависящим от университетской институции, и философским производством, дистанцирующимся от ортодоксии. Иначе говоря, сотрудники интеллектуальных журналов могут не иметь между собой ничего общего, кроме одного негативного признака; этим журналам свойственно объединять, в силу логики совмещения, не объяснимой в чисто интеллектуальных терминах, разнородную авторскую публику, состоящую из журналистов, авторов, признанных «среди своих», и авторов, пользующихся широкой известностью, наконец, представителей относительно маргинальных в университетском производстве специальностей. Это характерно даже для такого сугубо интеллектуального журнала как «Критик», сотрудников и темы которого, казалось бы, отличает относительно высокая степень авто-

номии по отношению к внешнему принуждению, и в частности к той его форме, которая воплощается в требовании журналистской актуальности: как мы знаем, два члена его редакции — авторы, пишущие в публицистических и журналистских жанрах, и это, видимо, единственная возможность удовлетворять расплывчатому требованию «новизны», которое позволяет объединять под своими знаменами как авторов, вовлеченных в исследование «современности» (или «пост-современности»), так и авторов, озабоченных прежде всего введением в оборот оригинальных мыслительных приемов применительно к сюжетам, не исчерпанным ученой традицией⁶.

Пространство объективно возможного навязывает себя автору хотя бы через такой конкретный опыт, как попытки опубликоваться, найти подходящее место для публикации — опыт, который уже содержит в себе жесткую альтернативу: либо автор представляет себя близким к модели самореализации в рамках университета, во многом опирающейся на «историческую» эрудицию, либо в какой-то степени подвергается, как в плане формы, так и на уровне содержания, действию принципов, внешних определению философского производства. К этой альтернативе, которая в своем крайнем выражении представляется как выбор между академическим «конформизмом» и журналистской «свободой», с подозрением относятся авторы, рассчитывающие утвердить «подлинную» оригинальность, основываясь на двойной независимости — от принуждений как со стороны университетской институции, так и со стороны внешнего спроса.

Дабы не дублировать спонтанные представления агентов, примыкающих к противостоящим полюсам университетской ортодоксии или публицистики, мы не можем удовлетвориться классификацией производителей и их продуктов по одному единственному признаку — по степени зависимости от университетской институции, так же как не можем ограничить наше описание философского производства свидетельствами борьбы между «серьезными» и «легковесными» авторами, или же между «профессорами» и «творцами» (в зависимости от точки зрения). Поначалу степень доступа к журналам может быть хорошей характеристикой занимаемой позиции, но, как мы убедились, в определенной мере, один и тот же журнал может стать местом, где конкурируют различные пользователи и способы использования. Чтобы составить адекватное представление о системе философских позиций во всей их совокупности, следует избегать превознесения оппозиции, наиболее видимой внешнему взору. Там, где нам представляется одна-единственная ось противостояния внутри-институционального и внеинституционального произ-

⁶ Эта двойственность интеллектуальных стилей проявляется в истории журнала «Критик» с самого ее начала, как свидетельствует исследование Анны Бошетти — наиболее подробное на сегодня — «Сартр и “Ле Тан модерн”»: Boschetti A. Sartre et «Les Temps modernes». Paris: Minuit, 1985. P. 205 et sqq.

Среди первых сотрудников можно выделить, с одной стороны, группу, объединившуюся вокруг Жоржа Батая, которую составляли маргинальные внеуниверситетские авторы, и, с другой стороны, группу университетских авторов с нетипичной траекторией, таких как Александр Койре или Эрик Вейль.

Эта двойственность просматривается вплоть до журнала «Философия», основанного издательством «Минюи» («Minuit») в 1984 году: в то время как одни авторы увлечены авангардными формами метафизики, другие представляют в журнале полюс научной культуры.

водств, на самом деле обнаруживается соединение двух различных линий напряжения, сопоставление которых позволило бы понять различные типы философского производства: первая линия напряжения определяется оппозицией между ученым и светским, вторая — тем, в какой степени тот или иной продукт вовлечен в институциональное воспроизводство либо выполняет сугубо внутренние функции интеллектуального производства.

Чтоб избежать перекрытия одной линии напряжения другою, мы будем придерживаться принципа постижимости, в соответствии с которым достаточно выявить наиболее характерные философские позиции, а остальные рассматривать как их варианты и комбинации. Эта работа по конструированию не опирается на какое-либо философское допущение, если только не считать таковым попытку выявить различие между продуктами через их социальные условия возможности, понятые как интеллектуальные условия возможности.

Прежде всего, мы предполагаем, что [разные] философские дискурсы в различной степени определяются функциональными требованиями университетской институции. Если некоторые дискурсы по видимости почти освобождаются от этих требований, то иные, кажется, более-менее прямо из этих требований выводятся: при помощи своей высоко гомогенизированной продукции взаимозаменяемые производители благоприятствуют появлению новых производителей, обладающих схожими свойствами, и способствуют таким образом циклическому культурному и институциональному воспроизводству авторов и их продуктов. Этот цикл воспроизводства ничуть не умаляет, а наоборот, усиливает в агентах ощущение того, что они следуют одним лишь внутренним обязательствам «свободной» и «персонализированной» мысли, парящей над школьными и социальными реалиями. Как видно из высказываний самих философов и из официальных текстов, философская дисциплина лишь переносит на свою территорию школьный отказ от школьности, вписанный в само функционирование школьной институции. То есть принадлежность к миру школьной культуры не может быть обнаружена явным образом в дискурсах, которые заключают в себе претензии на исключительность.

Само философское школьное производство разделено оппозицией — которая обладает выраженным относительным смыслом — между ученым и светским полюсами. В то время как часть этого производства опирается на сферу эрудиции (свойственной университетским журналам), другая его часть поддерживает связи с более эзотерическими культурными формами, в пределах доходящими до журналистики. Хотя в интересах всех членов философского корпуса — и в частности, фракции, обладающей сертифицированным школьным статусом — отстаивать «серьезность» перед лицом легковесной «болтовни», это не исключает того, что агенты не в равной мере наделены специфической компетентностью: учитывая, что степень открытости нуждам текущего момента обратно пропорциональна обладанию этой компетентностью, не стоит удивляться, обнаруживая незначительное участие во внеуниверситетском производстве наиболее ортодоксальных специалистов, каковыми являются «историки философии»; в то время как журналистика может представляться средством и поводом пустить в оборот свой капитал для профессионалов от общей философии, нередко выходцев из преподава-

тельского корпуса средней школы. Следование преподавательскому определению общей философии проявляется прежде всего через публикации в педагогических журналах.

Среди дискурсов, близких к интеллектуальному полюсу, более-менее свободных от бремени институционального принуждения, можно распознать такое же разграничение. Специалистам по общей философии, стремящимся к творческой «глубине» и «оригинальности» и черпающим из одних лишь ресурсов «чистой мысли», поставляемых ученой традицией, противопоставляют себя авторы, которые отвергают «чистую мысль», предпочитая основывать свою философскую компетентность и ее определение на владении методологически сконструированным и понимающим свои границы знанием. Как мы уже видели, интеллектуальные журналы объединяют людей, которые руководствуются весьма различными моделями карьеры; соседство специалистов во второстепенных университетских дисциплинах и философов-журналистов способно произвести эффект интеллектуальной «новизны» («внеуниверситетской»), которым могут пользоваться и те, и другие, но с разными целями.

Не следует однако выводить свойства философского габитуса из качеств, внутренне присущих тому или иному типу навыка. Например, было бы заблуждением сводить оппозицию между специалистами и общими философами к противопоставлению «научный/литературный», более ходовой версией которого выступает оппозиция между «строгостью» с одной стороны, и «болтовней», «бреднями» с другой. «Литературная» культура сама по себе не является препятствием «науке», так же как «научная» культура – не гарантирует научности. Анализ способов социального использования «науки» и «научной» культуры позволил бы показать, что научный капитал, который мы упоминаем здесь в краткой и суггестивной манере, следует четко отличать от школьного представления о научности, которое нередко сводит ее к сугубо формальному владению техниками [речи].

[...]

Два полюса

Оппозиция между ученым и светским полюсами в философии принимает специфическую форму, когда мы покидаем универсум школьной культуры: оказывается, что философское производство структурировано прежде всего оппозицией между естественными и гуманитарными науками. Дискурсы различаются по тому, насколько важное место они уделяют анализу продуктов и инструментов научного мышления, этих позитивных конструкторов, не выводимых из чистого логоса. Мишель Фуко в неожиданном для него тексте так описывает линию раздела, которая «проходит через (все другие) общепринятые оппозиции»: «Это линия, которая разделяет философию опыта, смысла, субъекта, – и философию знания, рациональности и концепта. С одной стороны – традиция Сартра и Мерло-Понти; с другой – линия Кавайеса, Башляра, Койре и Кангилема. Это разделение, безусловно, имеет давнее происхождение, и его следы можно обнаружить на протяжении всего XIX века: Бергсон и Пуанкаре, Лашелье и Кутюра, Мэн де Биран и Конт (...). Каковы бы ни были дальнейшие разветвления, взаимопроникновения и даже сближения, эти две формы мышления образовали во Франции два

направления, которые оставались, по крайней мере, в течение известного времени, весьма глубоко «гетерогенными»⁷.

Каждый из этих полюсов отличается своим особым интеллектуальным стилем. На полюсе научной культуры преобладает работа по интеллектуальному прояснению, которая основывается отнюдь не на вере в простоту, но на убеждении в том, что путем методичного анализа, порой долгого и трудоемкого, можно хотя бы отчасти добиться удовлетворительной постижимости [предмета]⁸. Здесь понимание предполагает отношение к знанию, отмеченное неприятием смутных, мистических и метафорических понятий. Реализация проекта по прояснению может быть проиллюстрирована, в зависимости от эпох, мест и обстоятельств, примерами разных интеллектуальных предприятий – Aufklärung, критическая философия, аналитическая философия⁹, – где рациональность предстает объединяющими их целью и методом. Для противоположного полюса философского поля характерна склонность к интеллектуальной тонкости (к «смыслу», «глубине», «преодолению»...): анализ, рассматриваемый как нечто поверхностное, уступает место созерцанию (speculation), которое состоит, в своих различных версиях, в том, чтобы выразить неадекватность «понимания» (этого предмета критики от Гегеля до Хайдеггера, не исключая Бергсона) перед лицом предельных понятий, глубоко непрозрачных, сложных и многозначных. Здесь, по всей видимости, область «мыслимого» совпадает, как в случае с понятием «различие», столь характерным для 1970–1980 годов, с тем, что способен выразить язык. Наконец, каждому полюсу присуще свое этико-политическое видение, иногда трудно различимое за логикой занятия позиций, которая навязывается актуальным состоянием философского поля: в одном случае, предполагается, что знание содержит в себе в более-менее прямой и однозначной форме акт освобождения; в другом случае лишь благодаря преодолению принуждения, заключенного в обыденном видении мира, достигается настоящая свобода, доступная избранным через мистически-интимное обращение.

Полюс научной культуры требует не только специфической компетентности в определенной сфере знания, но прежде всего склонности (влечения) – которое вслед за Мишелем Фуко можно назвать «любопытством»¹⁰ – сочетать постановку философских вопросов и контроль, идущий от осознанной интеллектуальной практики, сильно расходящейся со школьным представлением о науке как о слепом производстве «результатов». Если в других странах этот полюс был представлен неокантианцами вроде Кассирера, Франкфуртской шко-

⁷ Foucault M. La vie: l'expérience et la science // Revue de métaphysique et de morale. № 1, janvier-mars 1985. P. 4 (номер, посвященный Жоржу Кангилему).

⁸ Чтобы охарактеризовать аристотелевскую доктрину, Кант употребляет выражение «трудлюбивая философия» (противопоставляя ее философиям, основывающимся на прозрении, чувстве, экзальтации). См.: Kant E. D'un ton grand seigneur adopté naguere en philosophie. Trad. L. Guillermit. Paris: Vrin, 1968. P. 87–110.

⁹ По поводу свойств анализа в философии, см. Rescanati F. Pour la philosophie analytique // Critique, 444, 1984. P. 363–383.

¹⁰ Мишель Фуко был тем «философом в маске», с которым «Ле Монд» опубликовал интервью 6 апреля 1980 г. Он заявил: «Любопытство представляло собой грех, который был последовательно осужден христианством, философией и даже одной из концепций науки. Любопытство, легкомыслие. И тем не менее, слово мне нравится; для меня оно ассоциируется совсем с другим: оно

лой, аналитической философией, то во Франции его демонстрирует прежде всего традиция истории науки, воплощаемая с 1950-х годов Жоржем Кангилем. Полнос гуманитарной культуры можно охарактеризовать как интеллектуальный проект, состоящий в том, чтобы обосновать превосходство философии в иерархии дисциплин, и выявить ограниченность научного дискурса, который обречен на незнание «неустрашимого» порядка последних вещей («разум», «смысл», «универсальное», «абсолют» и т.д.): в основном именно ученая традиция в широком смысле, представленная философами, теологами, поэтами, удерживает, опираясь на разные аргументы, привилегию мыслить о предельном. Этот полюс философии опирается на молчаливое структурное соучастие со стороны блюстителей институциональной ортодоксии, пускай даже иногда дерзость взглядов, свойственных статусу «оригинального творца», нарушает это соучастие, вызывая подозрительность и даже ненависть со стороны истых блюстителей институции¹¹.

Выявив главную оппозицию между полюсами научной и гуманитарной культуры, следует напомнить, что каждый из этих полюсов сам структурирован множеством внутренних оппозиций, и что рассматривать их как олицетворение двух соперничающих философских «лагерей» было бы крайне примитивно. Так, научный полюс можно описать при помощи оппозиций, аналогичных тем, что структурируют поле философии в целом: авторы отличаются друг от друга, во-первых, тем, предлагают ли они в большей степени инструменты и/или новые научные объекты, или скорее производят эрудитские комментарии чужих дискурсов (ученых или философских); во-вторых, они отличаются друг от друга тем, что дискурс одних адресован преимущественно ученой публике, а дискурс других – публике профанной. Наконец, следует принимать в расчет третье различие – то, что зиждется на социальной иерархии научных знаний (которая сама по себе весьма изменчива).

Сходные внутренние оппозиции характеризуют и полюс гуманитарной культуры. В то время как существенной части авторов, близких к полюсу гуманитарной культуры, свойственно традиционалистское невежество в отношении научной культуры, другая часть стремится к утверждению верховенства философии в и посредством конфронтации, которая требует определенной научной компетентности. Здесь философское «преодоление» научного дис-

отсылает к «беспокойству», к озабоченности тем, что существует и что могло бы существовать; заостренный смысл реальности, который при этом никогда не схватывается ею; живая чувствительность, способная увидеть странное и уникальное в том, что нас окружает; неистовое стремление разорвать пелену кажущейся известности и смотреть иначе на те же вещи; пыл к постижению того, что происходит, и того, что проходит; развязная небрежность в отношении установленных иерархий между важным и существенным. Я мечтаю о новом веке любопытства.

¹¹ Оппозиции между полюсами философской культуры соответствует оппозиция интеллектуальных установок, которая обусловлена социальными характеристиками агентов. В отсутствии более полных данных о социальных и интеллектуальных траекториях, опираясь на доступную информацию, тем не менее, можно заметить, что существует некая гомология между собственно интеллектуальной оппозицией «формализм/реализм» (если воспользоваться доркгеймовской терминологией) и диспозициями, которым агенты обязаны своей унаследованной позиции в социальном пространстве: доминирующие предрасположены к чистому дискурсу «искусства ради искусства» и, в целом – к отвержению [значимости] социального мира, в то время как доминируемые более склонны проявлять инструментальное (Кант сказал бы «заинтересованное») отношение к знанию.

курса отнюдь не представляется как операция исключительно риторическая, и в этом случае оно должно являться результатом предварительной работы по усвоению информации, необходимой для дебатов (таким образом, часть этой информации оказывается интегрирована в философскую культуру вместо того, чтобы попросту быть отвергнутой). Просвещенное преодоление, которое намереваются совершить эти авторы, является выражением философского габитуса, предполагающего наличие некоторого «любопытства» и согласие с минимальными требованиями рационального дискурса. Бергсона, несомненно, можно рассматривать как фигуру французского философа, наилучшим образом воплотившую равновесие между амбициозностью проекта философского преодоления и интеллектуальной дисциплиной позитивного знания. Такие сочинения, как «Творческая эволюция», «Материя и память», и даже «Два источника морали и религии», отводят определяющее место дискуссии с научными дисциплинами в их состоянии на то время. Так, бергсоновская доктрина «интуиции» и «длительности», с ее типично метафизическим содержанием, основанным на требовании преодолеть границы «интеллекта», содержит, тем не менее, рационализм в форме, которая свидетельствует о молчаливом уважении к интеллектуальной морали, привитой философам университетской институцией: предполагается, что именно в «пределах только разума» недостаточность разума может быть не только показана, но и доказана.

«Рационалистский» этос университетских авторов, которых роднит факт подчинения суждениям коллег, становится особенно очевиден по контрасту с продукцией таких авторов, как Жорж Батай, которые, занимая доминирующую и маргинальную позицию по отношению к университетской институции, естественным образом склонны к пророческому бунту против принуждения, налагаемого «рациональным» выражением, разграничением между жанрами, между сферами знания и т.д. «Спонтанную философию», практикуемую этими авторами, особенно отличает убежденность тона (экстатические мотивы, мистическое нищезанство...) и беспорядочный энциклопедизм. Обладая неокончательным философским статусом, о чем свидетельствует зачастую более широкое признание среди авангардных нефилософских авторов, чем со стороны признанных философов, авторы-пророки характеризуются не столько самим философским проектом «преодоления» — каковой занимает центральное место в программе менее еретических авторов — сколько гораздо менее выверенной формой, которую они этому проекту придают¹².

Состояние поля в начале 1960-х годов

Относительное влияние каждого полюса, во многом определяющее конкретную конфигурацию философского поля, обусловлено сложным набором факторов: образцами интеллектуального совершенства, присутствующих данной

¹² Пространство интеллектуальных позиций полюса философской продукции, безусловно, находит отражение и в среде преподавателей лицей. Но это происходит в специфической форме. Даже когда они декларируют себя «марксистами», последователями Лакана, «неопозитивистами», эти агенты вынуждены прилагать усилия к тому, чтобы приспособить свои теоретические склонности к логике школьной институции (где эти склонности становятся «причудами», «идеями фикс»).

национальной традиции, относительной позицией философии в пространстве дисциплин, характером принуждения, осуществляемого институциональным воспроизводством¹³, — действие которых нигде не обнаруживается так явно, как в ситуациях смены условий доступа к профессии. Преобразуя пространство возможного, эти изменения выявляют ожидания агентов и то определение дисциплины, которое они стремятся навязать. На кону — особенно в критических ситуациях — оказывается не что иное, как ценность, приписываемая различным формам философского капитала и его носителям. «Кризис», о котором так охотно говорят философы — это прежде всего кризис, который затрагивает систему общих устремлений.

Именно в течение 1960-х годов намечается ряд трансформаций, связанных с расширением образовательного пространства. Мы не можем описать его здесь детально, поэтому ограничимся наброском основных черт. Рост числа учащихся, этот эффект смещения вверх всей структуры шансов доступа к различным уровням образования, выражается как в численности учеников средней школы, так и в численности университетских студентов. Соответственно, в философии количество должностей преподавателей лицея (905 в 1960-м, 1311 в 1965-м, 1673 в 1970-м) и преподавателей в вузах (124 в 1963-м и 267 в 1967-м)* увеличивается: философская дисциплина претерпевает двойной рост — как числа учащихся, так и преподавательского состава¹⁴.

Однако эволюция философской дисциплины не сводима к одним лишь показателям школьной демографии. Столь же важными оказываются и способности образовательной и культурной легитимации. В 1960-е годы философия вынуждена всерьез считаться с конкуренцией дисциплин, не подчиняющихся традиционным литературным моделям самореализации: критерий научности все более выступает как принцип легитимации школьного и социального порядка, тем более неопровержимый, что в его основании лежит объективная оценка «компетентности» и «знания» (в отличие от «та-

¹³ Сравнительный анализ различных национальных полей позволил бы рассмотреть каждое из них в перспективе целого ряда изменений: решающей переменной на деле оказывается отношение между капиталом ученой (*érudite*) традиции и собственно научным капиталом. Кажется вполне правдоподобным, что техника формального анализа, используемая заатлантическими философами, которую Дени Заславски отличает от техники неформального анализа, взятой на вооружение философами английскими (Zaslowski D. *Analyse de l'être, essai de philosophie analytique*. Paris: Minuit, 1982. P. 7–45; см. тж.: Strawson P.F. *Analyse, science et métaphysique // La philosophie analytique*. Paris: Minuit, 1962. P. 105–118), обязана своим триумфом гегемонии «научной» модели, которая заставляет демонстрировать интеллектуальную строгость через пренебрежение к классическим авторам. Подобная «лакуна» — лишь обратная сторона той особой роли, которой наделяется совершенствование инструментов и методов формализации. Таблицу, дающую если не систематическое, то по крайней мере приблизительное представление о современной американской философии, можно найти в: Schüßman R. *De la philosophie aux Etats-Unis // Le temps de la réflexion*, IV, 1985. P. 303–321.

* Во Франции философия преподается как в последних классах лицея, являясь дисциплиной, венчающей цикл среднего образования (см. статью Ж.-Л. Фабиани в этом номере журнала), так и на гуманитарных факультетах (*facultés des lettres*) университетов. — *Прим. перев.*

¹⁴ На гуманитарных факультетах изменение общей численности преподавательского состава следующее: 1150 в 1960-м, 2730 в 1965-м, 5782 в 1969-м (цифры взяты из книги: Bourdieu P. *homo Academicus*. Paris: Minuit, 1984. P. 271).

ланта»). Одним из явных признаков относительной маргинализации гуманитарной и, в том числе, философской культуры, является понижение в ранге гуманитарных отделений (филология, А) в пользу научных отделений (элементарная математика, С). То, что численность учеников философских классов лицеев¹⁵ не возрастает и, следовательно, составляет все меньшую часть от общей численности учащихся выпускных классов, во многом обусловлено логикой отбора, которая ориентирует учеников, получивших высшее школьное признание, на выбор «научных» отделений (С и D), а не гуманитарных, которым отныне отводится промежуточное место в иерархии, между «научными» и «техническими» отделениями (Е, F, G).

С другой стороны, в областях, которыми традиционно распоряжается философия, конкуренция со стороны научных дисциплин проявляется в развитии наук о человеке, о чем свидетельствуют различные показатели (занимаемые должности, журналы, финансирование)¹⁶. Это означает в том числе и утрату философами монополии в этих областях, и, прежде всего, монополии на «теоретическую» рефлексию об основании этих областей. Дебаты между гуманитарными и научными дисциплинами в разных своих формах постепенно занимают центральное место в философском поле: предметом этих дебатов выступает не что иное, как определение философской дисциплины и концепция ее автономии. Найденные решения и их социальная значимость прямо зависят от целого ряда социальных и институциональных условий.

Во всем интеллектуальном поле переопределение интеллектуальных стилей происходит в направлении отмеченных изменений¹⁷. Завершение войны в Алжире лишило актуальности интеллектуальный стиль, отмеченный неустанной заботой об этической и политической «ангажированности» и пророческими ответами на нужды момента. Таким образом, философский пафос, воплощением которого в течение почти пятнадцати лет служил экзистенциализм Сартра, стал одной из главных жертв ослабления напряженности. В то время, как ослабевает одержимость настоящим вкупе с заботой о предельном и всеохватном, утверждается позиция, определяемая новым положением вещей: круг предметов интеллектуальных инвестиций все более расширяется навстречу новым областям, где приходится иметь дело с долей неокончателности, с постепенным прояснением, с гипотетическим... Науки о человеке, по всей видимости, отвечают интеллектуальному духу периода, отмеченного как экономическим расцветом, так и небывалым ростом образовательной сферы.

Сами науки о человеке разделены на полюса: с одной стороны, полюс «чистых» исследований, представленный такими авторами, как Эмиль Бенвенист, Фернан Бродель, Жорж Дюмезиль и Клод Леви-Строс, которые преподают в престижных и/или внеуниверситетских заведениях (Коллеж де

¹⁵ «Философский класс» — выпускной класс, в расписании занятий которого большая нагрузка (восемь часов в неделю) приходится на философию.

¹⁶ Pollak M. La planification des sciences sociales // Actes de la recherche en sciences sociales, №№ 2–3, juin 1976, pp. 105–121.

¹⁷ По поводу взаимоотношений философии и наук о человеке в этот период см. Bourdieu P., Passeron J.-C. *Sociology and philosophe in France since 1945; Death and resurrection of a Philosophy without subject* // *Social research*, XXXIV, 1, Spring 1967, pp. 162–212.

Франс, Высшая практическая школа), и, с другой стороны — полюс прикладных исследований, возникший в результате увеличения числа административных заказов и находящийся под сильным влиянием американской эмпирической модели, представленной Полом Лазарсфельдом¹⁸.

*Учащиеся философских классов**

Анализ социальных и образовательных характеристик учащихся выпускных классов — один из способов понять изменения в социальном определении дисциплины.

Прежде всего следует напомнить, что вопреки росту численности учащихся (см. таблицу 1), вероятность поступления в выпускной класс распределяется неравномерно среди выходцев из различных социальных слоев: среди учеников, дошедших до 6-го класса, она составляет 86,1% для дочерей преподавателей и лишь 11,5% для сыновей неквалифицированных рабочих. Среди школьников выпускных классов, выходцы из высших слоев составляют 23,7% от общего числа; выходцы из средних классов — 50,6%; из низших — всего лишь 25,6%. Таким образом, несмотря на кажущуюся школьную «демократизацию», преподаватели философии имеют дело с весьма избранной аудиторией: на так называемых «классических» отделениях (А, В, С, D), число учеников из «социальных низов» едва превосходит четвертую часть. Социальная иерархия дисциплин довольно четко прослеживается в двух типах данных: с одной стороны, в данных о социальном составе выпускников различных отделений (таблица 2), с другой стороны, в сравнительном распределении представителей одного социального слоя по различным отделениям. На их основе можно отчасти составить представление о школьных стратегиях представителей различных социальных групп (таблица 3). Почти в каждом из этих случаев стоит учитывать пол, поскольку здесь наблюдается разница между юношами и девушками, которой нельзя пренебречь.

Оказывается, что на научных отделениях учатся представители самых высоких социальных позиций: в выпускном классе С выходцы из высших слоев составляют 46,5%, в то время как ученики со скромным социальным происхождением — всего 13,4%. И наоборот, на отделении G доля учеников из низших слоев (39,4%) гораздо выше среднего, а относительная доля учеников из высших слоев (7,9%) — наоборот, гораздо ниже среднего. Преподаватели относятся к группе, реализующей наиболее амбициозные школьные стратегии, а неквалифицированные рабочие — к группе, на долю которой остаются самые непритязательные стратегии. Во всех группах проявляются существенные различия между юношами и девушками: наиболее мужскими являются научные, а наиболее женскими — гуманитарные отделения.

Сопоставляя данные о социальном составе отделений и о распределении по ним выходцев из различных социальных групп, и при этом принимая в расчет переменную пола, можно получить представление о корреляциях между иерархией отделений и пространством социальных классов, и таким образом понять различное социальное предназначение каждого из отделений. Так, отделение А, где социальные низы представлены в большей мере, чем на научных отделениях, тем не менее, отличается от отделений технических: мужская часть представителей высших классов, по всей видимости, избегает этого отделения, но зато оно продолжает пользоваться определенным успехом у девушек. Тем не менее у девушек, поступивших на отделение А, по всей видимости, более низкая школьная успеваемость, чем у представительниц той же социальной группы, выбирающих отделение С, которые наиболее склонны

¹⁸ По этому поводу см. Pollak M., *op.cit.*

* Стоит еще раз упомянуть, что речь идет о выпускных классах французских лицеев, подчиняющихся принципу дисциплинарной специализации. Основным предметом в каждом из них может быть философия, литература, естественные и точные науки (в частности, математика) и т.д. — *Прим. перев.*

следовать модели школьного совершенства, взятой на вооружение носителями самых амбициозных устремлений — юношами из высших классов. Иначе говоря, отделение А, по крайней мере, при его нынешнем положении в школьной иерархии, вполне способно служить прибежищем прежде всего для девушек из высших и, в меньшей степени, из средних классов (в то время как «научный» и мужской вариант представлен отделением D).

Теперь понятно столь явное единодушие в высказываниях преподавателей философии в адрес различных отделений: по собственно школьным показателям классы отделения С считаются лучше, чем классы отделения А, которым приписываются скорее такие добродетели, как «интерес к учебе», «находчивость» и т.п. И если классы G могут иногда считать «приятными» и «симпатичными», несмотря на весьма скромные успехи в философии, можно предположить, что это во многом объясняется преобладанием в них девушек и слабой представленностью наиболее «невыносимой» аудитории: юношей-выходцев из низших классов, учащихся скорее в классах E и H.

Чтобы понять производство философских дискурсов в 60-е годы, следует иметь в виду не только процесс расширения университета, сопровождающийся ростом числа должностей, но также и специфическую форму, которую принимал этот процесс: рост числа преподавателей вузов — этой группы производителей знания, наделенной наивысшей легитимностью — осу-

Таблица 1. Учащиеся выпускных классов (в государственных и частных школах)

	<i>число учеников классов А, философия</i>	<i>из них девушки, %</i>	<i>% учеников классов А</i>	<i>Число учеников классов С, элемент. математика</i>	<i>из них девушки, %</i>	<i>% учеников классов С</i>	<i>Общее число учеников выпускных классов</i>	<i>Из них девушки, %</i>
1951–52	21010	58	52	11721	15	29	39768	43
1960–61	35489	68	43	27315	23	33	81860	50
1965–66	79996	67	39	42458	28	24	208454	49
1970–71	76122	70	32	33739	29	14	235987	51
1975–76	59665	—	20	44452	—	15	298577	—
1980–81	60481	80	17	45226	39	13	344473	59
1985–86	64964	81	16	44334	34	11	385203	56

(Источник: Служба планирования, статистики и оценки (SPRESE 7) Министерства национального образования)

Таблица 2. Распределение учащихся выпускных классов различных отделений в соответствии с социальным происхождением и полом

	<i>Юноши</i>	<i>Девушки</i>
<i>Классы отделения А (общей численностью 2176)</i>		
Высшие слои	5	20,9
Средние слои	10	38
Низшие слои	8,8	20,9
	20	79,9
<i>Классы отделения В (общей численностью 1851)</i>		
Высшие слои	10,1	13,3
Средние слои	17,9	35,2
Низшие слои	6,8	16,4
	34,9	65

продолжение табл. 2

<i>Классы отделения С (общей численностью 1601)</i>		
Высшие слои	28,2	18,2
Средние слои	23,2	16,7
Низшие слои	7	6,3
	58,6	41,3
<i>Классы отделения D (общей численностью 2418)</i>		
Высшие слои	15,5	16,7
Средние слои	20,9	30,1
Низшие слои	6,2	10,2
	42,8	57,2
<i>Классы отделения D (общей численностью 2418)</i>		
Высшие слои	2,9	5
Средние слои	12,2	40,4
Низшие слои	6,9	32,4
	22,1	77,8

(Источник: Списки учеников, поступивших в выпускные классы (6-е) в 1972, 1973 и 1974 годах. Данные взяты из анкет «выборки учащихся средней школы», проведенных в 1972, 1973 и 1974 годах: Ministère de l'Education nationale, SPRESE, septembre 1985).

Таблица 3. Распределение учащихся по отделениям в зависимости от социального происхождения* и пола

<i>Профессия отца</i>	<i>Отделения</i>							<i>Всего</i>
	<i>A</i>	<i>B</i>	<i>C</i>	<i>D</i>	<i>EFH</i>	<i>G</i>	<i>Другие</i>	
<i>Юноши</i>								
Высшая администрация, свободные профессии	9,2	14	31	26,7	11,4	4,4	2,7	100
Преподаватели	9,4	8,3	37	24	14,4	3,9	3	100
Крупные предприниматели	4,2	17,9	22	28	14,3	7,7	6	100
Средняя администрация	9,4	15,6	16,9	23	21,6	7,9	5,6	100
Мастера и бригадиры	10,1	12	13,6	13,2	32,9	9,3	8,9	100
Квалифицированные рабочие	7,3	9,8	10,8	10	39,8	14,1	8,1	100
Прочие рабочие	7,1	9,6	8,6	13,7	33,9	14,2	13	100
<i>Девушки</i>								
Высшая администрация, свободные профессии	28,9	16,8	19,2	25,3	3,3	6	0,5	100
Преподаватели	28	10,4	22,2	27,1	4	6,6	2,2	100
Крупные предприниматели	28,9	18,7	8,9	24,4	4,4	13,3	1,3	100
Средняя администрация	25,2	19,3	8,9	20,8	6,3	17,6	1,9	100
Мастера и бригадиры	19,6	21,2	4,2	14,6	7,7	30,2	2,4	100
Квалифицированные рабочие	19,4	14,7	5,8	12,4	9,8	36,7	1,3	100
Прочие рабочие	21,5	15	3,7	11,1	9,4	37,3	2	100

(Источник: см. таблицу 2)

* Чтобы упростить таблицу, мы приводим здесь процентные показатели лишь для некоторых профессий.

ществлялось, тем не менее, не по простой схеме увеличения количества индивидов, наделенных нужными качествами, гарантирующими полное воспроизводство преподавательского сообщества. Безусловно, обладатели образовательных степеней, наиболее престижных в рамках школьной институции — агрегасьон*, диплом Высшей нормальной школы (ENS) — с успехом пользовались открывшимися профессиональными возможностями, но обеспеченная таким образом карьера не означала не только то, что отныне облегчается доступ к университетским должностям. Сам университетский статус переопределялся установлением нового соотношения между числом преподавателей категории А (в основном университетских преподавателей) и категории В (младшие преподаватели и ассистенты). Поскольку вторая категория пополняется значительно быстрее, чем первая (если принять показатели 1963 года за 100% для обеих категорий — в 1967 году для второй категории они составили 214%, а для первой — 149%)¹⁹, для тех, кто занимает низшие позиции, вероятность доступа к высшим уменьшается, что существенно влияет на отношение к карьере. В условиях глобального роста образовательной системы потери, вызванные объективным деклассированием [профессии преподавателя], одновременно воспринимаются как то, что по большому счету составляет его положительную сторону, а именно — ослабление институционального давления в рамках философской карьеры. Интеллектуальное обновление оказывается более благоприятным, — если оставаться в границах университета, — когда становится все больше студентов, в том числе стремящихся получить агрегасьон, а также лицейских преподавателей и т.д., так как с ростом численности этих групп параллельно растут их карьерные ожидания и запросы, которые не могут ограничиваться узкими рамками школьной ортодоксии.

Не случайно Высшая нормальная школа на улице Ульм стала одним из привилегированных мест обитания «нового духа» 1960-х: объединяя одновременно признаки интеллектуального благополучия, обеспеченного школьным превосходством, и преимущества относительной защищенности, которые она предоставляла своим преподавателям в обмен на отказ от институциональных выгод обычной карьеры, эта институция стала колыбелью философских проектов таких авторов, как Луи Альтюссер и Жак Деррида — авторов, положению которых свойствен дисбаланс между престижем большой интеллектуальной традиции [которую они основали] и их низким институциональным статусом, который давало преподавание в этой Школе. Философские новшества в Высшей нормальной школе реализуются в курсах лекций (Альтюссер, Деррида, Лакан), воплощаются в форме кружков и журналов («Аналитические тетради» Эпистемологического кружка, «Марксистско-ленинские тетради» Союза молодых марксистско-ленинских коммунистов**, верного идеям маоизма) и, конечно, в целой серии публикаций. Именно в середине 60-х

* Agrégation — степень, присваиваемая выпускникам, успешно прошедшим общенациональный конкурс на замещение должности преподавателя лицея или вуза. — *Прим. перев.*

¹⁹ См. подробные сведения по этим вопросам в: Bourdieu P. Homo Academicus, op.cit.

** «Les Cahiers pour l'analyse» de Cercle d'épistémologie; «Les Cahiers marxistes-léninistes» de L'Union des jeunes communistes marxistes-léninistes. — *Прим. перев.*

годов выходят в свет основополагающие произведения Альтюссера²⁰, Фуко²¹ и Лакана²². В таком показательном интеллектуальном продукте, как «Аналитические тетради», «цель которых — способствовать созданию теории дискурса», обнаруживается весьма достоверный образ философских исканий, свойственных этому кругу. Основу его составляет лакановский психоанализ (№1, «Истина»; №3, «О предмете психоанализа»; №5, «Пунктуация у Фрейда») и структурный метод Леви-Строса (№4, «Леви-Строс и XVIII век; №8, «От мифа к роману»). Среди прочих номеров — «Что такое психология?» (№2), «Политика философов» (№6), «Немыслимое у Жан-Жака Руссо» (№8), «Генеалогия наук» (№9), «Формализация» (№10). Среди авторов встречаем имена Альтюссера, Бадью, Деррида, Фуко, Грина, Лакана, Леклера... Весьма показательное тяготение к Руссо позволяет примирить классическую культуру (багаж знаний, усвоенный на лекциях) и культуру модернистскую, с более-менее явной этнологической направленностью.

Отсылка к «науке» составляет мобилизующий принцип этого философского авангарда: подобная отсылка поначалу была направлена против Сартра, философа, занимавшего доминирующую позицию [во французском интеллектуальном поле] до начала 1960-х годов. Становление «структурализма» в рамках философской проблематики во многом обусловливается необходимостью дистанцирования: «субъекту» противопоставляется «структура», «гуманизму» — «смерть человека», «диалектике» — «система» и т.п. Одним из инструментов завоевания философской легитимности стала оппозиция между «наукой» и «идеологией», главная функция которой состояла в том, чтобы дать оценку всякому дискурсу с позиции неоспоримого научного взгляда. Пользуясь прежде всего практикой комментария, новое поколение философов стремилось аккумулировать и присвоить капитал более старших авторов, принадлежавших либо к научному полюсу философского производства, либо к полю «наук о человеке» (лингвистике, психоанализу, этнологии)²³. Взаимодействию с этими дисциплинами способствует общая философская культура: ряд авторов и преподавателей пришли в эти дисциплины из философии. Научность «наук о человеке» одновременно используют как аргумент и удерживают на дистанции: марксизм, воспринимаемый сквозь призму альтюссеррианского прочтения скорее как «историческая наука», нежели социальная теория, и этнология, представленная Леви-Стросом, составляют ресурсную базу, необходимую для занятия позиций в поле, откуда социология, которую редко упоминают иначе, как со снисхождением, более или менее явно вытесняется. Лакановская версия психоанализа приобретает такую важность, поскольку способна восполнить пробел, возникший вследствие отказа

²⁰ Althusser L. Pour Marx. Paris: Maspéro, 1965; Althusser L., Balibar E., Establet R., Macherey P., Rancière J. Lire le Capital. Paris: Maspéro, 1965.

²¹ Foucault M. Les mots et les choses. Paris: Gallimard, 1966. (Русский перевод: Фуко М. Слова и вещи / Пер. с фр. Н.С. Автономовой и В.П. Визгина. СПб: А-сэд, 1994. — *Прим. перев.*)

²² Lacan J. Ecrits. Ed. Paris: Seuil, 1966.

²³ «Я не хотел заниматься философией, — заявляет Леви-Строс, и добавляет: Думая о собственной пользе, я просто попытался составить представление о возможных философских импликациях некоторых аспектов своей работы» (C. Lévi-Strauss. Réponses a quelques questions // Esprit, 322, novembre, 1963).

от традиционной темы «субъекта». В целом, отсылка к «науке» подкрепляется не столько специализированными работами, сколько использованием маркера «эпистемология» и упоминанием престижных имен историков науки, таких как Гастон Башляр, Жорж Кангилем и Александр Койре²⁴.

«Структурализм» философов представляет собой удачно найденную формулу компромисса между непреложными требованиями должностного престижа философской дисциплины и поиском ее нового определения, который в большей или меньшей степени обусловлен ее конкуренцией с научными дисциплинами. Компромисс привел к тому, что в жертву был принесен целый ряд догм: сознание, субъект, смысл, интерсубъективность... — которые главенствующий гуманистский полюс философии в свое время успел превратить в антропологическое основание школьной культуры. В какой-то мере философы должны были оставаться законодателями в «теоретической» части: то, что они теряли в одной области, они находили в другой благодаря своей должностной компетенции по вопросам «оснований». «Структуралистская» критика «гуманизма», скрещенная в той или иной степени с темой «смерти Бога», вполне могла выполнять важную функцию, состоявшую в том, чтобы предоставлять агентам, наделенным в основном комментаторскими способностями, возможность подчеркнуть свой разрыв с традицией, не отказываясь от капитала, которым они обладали. При помощи ряда расплывчатых посылок, отдающих дань риторике научности, авторы, ориентированные на авангардные позиции, распоряжаясь одними лишь ресурсами истории философии, находили способ заново придать легитимность практике комментария. «Структура», интерпретируемая очень вольно, становилась высшим принципом постижимости текста. Будучи современным вариантом платоновского созерцания идей, культ структур смог удовлетворить ученому вкусу к внутреннему прочтению, освобождая комментаторов от цензуры университетской истории философии; именно этот культ обнаруживается не только в основе «деконструкции» философии, предложенной Жаком Деррида, но также и — с разной степенью виртуозности — в тех еретических комментариях, которые, начиная с конца 60-х годов, осуществляют что-то вроде дикого структурализма, вскрывая в текстах традиции («западной метафизики») «потайные» аналогии, чаще всего не подконтрольные эрудитской критике текстов.

Утверждению нового философского стиля, отмеченного претензией на тщательное «теоретическое» исследование и отвержением французского университетского стиля, выстроенного на ясности и элегантности, во многом способствовало создание вне рамок философского поля сектора авангардной культурной продукции, объединяющего в кружках, семинарах, коллоквиумах (Серизи) и журналах («Аргументы», «Критик», «Тель Кель»*) всевозможных интеллектуальных производителей, работающих в различных

²⁴ Гастон Башляр (1884–1962), Александр Койре (1892–1964) и Жорж Кангилем (род. в 1904) написали большую часть своих произведений (если не все) до того, как «структурализм» вошел в моду. Сомнения в адрес этого течения Жорж Кангилем выражал, например, в ходе дебатов, организованных 27 февраля 1968 года по теме «Объективность и историчность научной мысли», опубликованных в коллективном труде «Структурализм и марксизм» (*Structuralisme et marxisme*. Paris, 10–18, 1970. P. 205–266).

* «Arguments», «Critique», «Tel Quel». — *Прим. перев.*

жанрах: романистов, публицистов, литературных критиков, университетских философов, художников... Следуя за периодом, прошедшим под знаком экзистенциалистской «ангажированности», возврат к формализму проявился в целом ряде тем: «язык», «письмо», «текст», — и референтных авторов: Арто, Батай, Бланшо, Малларме, Сад. Некоторые философы, которым в начале 60-х годов удается выйти за рамки университетского круга публикаций, вносят свой вклад в эти обмены, производя экзегезу авторов, исключенных из школьной традиции, таких как Хайдеггер, Лукач или Ницше.

Условия успеха «структурализма» отнюдь не ограничиваются рамками философского поля. Вне этих рамок новое поколение может рассчитывать на альянс с целым рядом новаторов, которые, как Ролан Барт, вводят в традиционные гуманитарные дисциплины «еретические» методы, заимствованные из марксизма, психоанализа, лингвистики и т.д. Кроме того, интеллектуальной интеграции, произведенной структурализмом, способствовало развитие интеллектуальной, или «интеллигентной» журналистики, представленной расцветающим «Нувель Обсерватер» (основан в 1964): в этом месте, отданном на службу «новому», философы имели возможность повстречать представителей «новых дисциплин» («новая история»), с которыми некоторые из них уже познакомились в ходе совместной политической активности (Французской Коммунистической партии). Этот журнал активно влияет и на само интеллектуальное поле, поскольку капитал, накопленный авторами, принадлежащими кругу его более менее близких «друзей» (некоторые из них пользуются большим интеллектуальным престижем), позволяет ему все в большей мере выполнять роль инстанции интеллектуального освящения.

Следствия Мая 68

Для интеллектуального авангарда, появившегося в некоторых университетских секторах в 60-е годы, одно из наиболее очевидных следствий мая 68-го года состояло в отдалении интеллектуальных ожиданий от прежде значимого языка научности. Недостаточно объяснять такие явные тематические изменения влиянием идеологической конъюнктуры, так как последняя сама по себе не позволяет увидеть специфические интересы, которые университетские философы удовлетворяли, поддаваясь именно этому влиянию.

Чтобы понять распространение в философском поле тематики «освобождения», прежде являвшейся уделом маргинального круга мелких интеллектуальных производителей-«радикалов»: ситуационистов до 1968 года, либертариев, маоистов (mao-spontex) и т.п. после 1968 года, — следует принять в расчет, в частности, институциональные трансформации, произошедшие в сфере производства и распространения философских дискурсов. В результате основания в 1969 году «экспериментального» университета в Венсене впервые были созданы институциональные рамки для самого разнообразного «авангарда», капиталы которого, вследствие этого, были аккумулированы в одном месте, во внешнем мире пользовавшемся блестящей репутацией, по отношению к которой любой производитель «авангарда» испытывал настоятельную необходимость самоопределиться. Объединяющим принципом было во многом реноме оригинальной и неконформистской философии, выступающей гарантом «инноваций». В некоторых случаях это реноме было следствием успеха опубликованных книг; в других случаях авторы делали себе имя в публицистике и журналистике прежде, чем написать философский

труд. В целом всех преподавателей университета в Венсене можно охарактеризовать по крайней мере через один общий для них негативный признак — их дистанцию по отношению к доминирующим университетским позициям (таким, как преподаватель в Сорбонне), дистанцию, которая превращала их в преподавателей подготовительных классов лицеев, обладателей низших должностей или должностей на провинциальных факультетах. Левые (а еще точнее — леворадикальные) политические воззрения, в некоторых случаях подкрепленные активистским прошлым (например, Жан-Франсуа Лиотар был членом «Социализма и варварства») были более-менее явно вписаны в характеристику этих должностей. Таким образом, венсенских философов (среди которых — Франсуа Шатле, Жиль Делез, Мишель Фуко, Жан-Франсуа Лиотар, Рене Шерер) можно определить именно через оппозицию по отношению к преподавателям Сорбонны: будучи признаны как «новаторы», «оригиналы», «творцы», они при этом были заранее наделены маргинальным институциональным статусом, который они, впрочем, всячески подчеркивали и отстаивали. Казалось бы, подобное объединение создавало благоприятные институциональные условия для философского дискурса, освобожденного от обычных ограничений, налагаемых университетским миром. Но, в соответствии со своей собственной (внутренней) логикой, это объединение на деле отвращало собранных в одном месте философов от превознесения «науки» (еще столь явного в «структурализме») и склоняло их к отождествлению в едином «антитехнократическом» порыве науки с «властью».

Наука и власть

Проблематика отношений между наукой и властью, сформировавшаяся в философском поле после мая 68, не была новой в полном смысле слова — ее постоянно вызывала к жизни сама система взаимодействий между интеллектуальным полем и полем власти. По большому счету, единственной новацией стала новая постановка старого вопроса о политических функциях интеллектуального производства, главной целью которой было определить, какими свойствами должно обладать это производство, чтобы соответствовать внутренним требованиям автономии по отношению к власти. Вплоть до 60-х годов, ответ на этот вопрос давала интеллектуалам сартровская модель. Но теория ангажированности, связанная с волюнтаристской философией свободы, ныне подвергнутая сомнению, имела еще и тот недостаток, что позволяла оправдать сомнительные политические предпочтения (например, сотрудничество с Французской Коммунистической партией), определяемые в большей мере настроениями момента, нежели обоснованными критериями. Новая конфигурация философского поля диктует его участникам необходимость отстаивать интеллектуальную автономию уже без той наивности, которая прежде допускалась ввиду абсолютного господства философии над науками о человеке. Подходы к проблематике отношений между наукой и властью во многом определяются особенностями позиций авторов, то есть прежде всего свойствами философского капитала, которым они распоряжаются. Носителям культуры гуманитарного толка, расположенным к «радикальной» субверсии всякой культуры вообще, противостоят об-

ладатели культуры научного типа, которые пытаются превратить эту проблематику в объект позитивного знания и преодолеть таким образом дискурс чисто этических предписаний.

На самом деле, отсутствие научной компетентности²⁵, наверно, не оставляет иного выбора, кроме как заново воспроизводить традиционный тезис о превосходстве философии над всеми «подчиненными» и «вторичными» областями знаний, превосходстве, которое, казалось бы, только подтверждают такие ее качества как «неутилитарность», изысканность (некоторые сказали бы «упадочность»), привязанные к дискурсу, на первый взгляд, свободному от всяких социальных «привязок». Коль скоро науку, по крайней мере, «официальную», склонны отвергать, относя ее по ведомству «тождества», «метафизики», одним словом, «власти», то именно благодаря этому философское преодоление «традиции» может сойти одновременно за условие и за проявление политического радикализма. Можно наблюдать, как философия «отличия» (*de la différence*) старалась изобрести уникальную и «неразрешимую» позицию в философском поле, гомологичную той, которой в социальном мире приписывается «маргинальность». Предполагалось, что именно за счет неопределенности, вернее через отвержение определяющих оппозиций (идеализм/материализм, рационализм/иррационализм, чистое эстетство/политический активизм, элитарность/народность, и т.д.) можно достичь интеллектуальной автономии. Специфика «венсенского» варианта, по всей видимости, состоит в практически прямом соответствии между политическим и философским регистрами: диффузное и общее отвержение всех возможных форм власти («все взаимосвязано»), борьба «желающих» философов против «репрессивных» держателей «компетентности» оказывается слита с борьбой «прокитайских» активистов* и «автономистов» (итальянских) против «шефов» (а также с анти-психиатрической, феминистской, регионалистской и пр. борьбой против соответствующих противников). Одна из особенностей подхода Деррида состоит в тонком искусстве игры на этих соответствиях, никогда, кажется, не доходящей до полного их признания: отрицание наивных этико-политических интерпретаций (либертарного толка) встроено в глубоко двусмысленный («неразрешимый») дискурс. Дискурс философской «деконструкции» отстаивает радикализм, которому, в зависимости от ситуации, может быть придан политический смысл («*la marge*», край – это философский эквивалент «маргинального») или же смысл строго теоретический, представляющий суть и горизонт любой радикальности. Так, когда Жак Деррида постулирует, что «письмо» пало жертвой «метафизического» превознесения «сущего» и «присутствия», он вынужден в то же время предостеречь от возможного «андеграундного» истолкования своего дискурса: «Речь ни в коем случае

²⁵ За одним явным исключением: дискурс Мишеля Серра, эпистемолога и историка науки, который готов принять существование позитивных дисциплин. Этот дискурс, кажется, даже имеет целью развить оппозицию между «аутентичной» (свободной, оригинальной, радикальной) и неаутентичной мыслью (позитивистской, находящейся на службе у власти), выводя ее за рамки философского поля в собственно научную сферу: полуфилософ, получученый, «настоящий» интеллектуал примиряет науку и воображение вопреки всем утилитарным требованиям политики.

* Имеются в виду французские маоисты. — *Прим. перев.*

не шла о том, чтобы противопоставить графоцентризм логоцентризму и в целом — какой-либо один центр какому-либо другому. Работа “О грамматологии” не является реабилитацией того, что обычно называют письмом... ничто не могло бы быть более мистификаторски нелепо, чем подобное этическое или аксиологическое перевертывание (*renversement*), дающее письму прерогативы или право старшинства»²⁶. При этом отгородиться от идеологически наивного дискурса не значит исповедаться в аполитизме: «А, “политическое поле”! Я бы сказал, что только об этом и думаю, как бы там ни казалось. Да, конечно, есть некоторое молчание и отход в сторону, но не стоит преувеличивать. Любый интересующийся может легко узнать, каковы мои предпочтения, с кем и с чем я солидарен — без малейших неясностей»²⁷. Бесконечно «деконструируя» то, что у всех других остается в состоянии «немыслимого» (*impénse*), философ оставляет за собой решающее преимущество — клеймить временно избежавшие «деконструкции» философские и политические взгляды как «метафизические» (т.е. недостаточно радикальные).

[Наука и создание новой позиции: случай Пьера Бурдьё]

У авторов, наделенных научной компетентностью, были средства избежать двойного соблазна — дисквалифицировать науки о человеке во имя «высших» теоретических амбиций, или петь безусловную хвалу всякому знанию, имеющему видимость эмпирического. Из дилеммы между «субверсивной» критикой, обреченной на наивность в той же мере, что и на невежество, с одной стороны, и позитивистским откатом, обреченным на консервативный конформизм, с другой, они попытались выйти посредством самообъективации, состоящей в том, чтобы сочетать философский императив интеллектуальной автономии с инструментами объективного познания (исторического, социологического). При всем при этом «политическое» прочтение их произведений вовсе не обязательно исключает собственно интеллектуальное прочтение.

В глазах философов, привыкших к голословному законотворчеству о продукции других производителей и безжалостно проклинаящих теоретическую слепоту позитивных знаний, полученных в соответствии со специфической логикой, которая не укладывается в эпистемологические каноны школы и «философского» чувства иерархии понятий и методов, — предприятие, подобное тому, что реализовал Пьер Бурдьё, рисковало показаться в буквальном смысле «неуместным» («*déplacée*»^{*}). Явственно эмпирическое по своим объектам и методам исследования, оно в то же время заявляет об интеллектуальных амбициях, обычно приходящихся на долю тех, кто носит титул «философа» и обладает статусными знаками философской принадлежности. Действенность научного подхода в изучении самых разных объектов, включая «благородные», была проверена практически, прежде чем превратиться в открыто проговариваемую тему, в частности, в первом номере журнала «Ис-

²⁶ Derrida J. *Positions*, op.cit. P. 21–22.

²⁷ Интервью Жака Деррида с Кристианом Декамом // «Ле Монд», 31 января 1982. Цит. по *Entretien avec le Monde, tome I Philosophies*. Paris: La Découverte/Le Monde, 1984. P. 88.

* По-французски «*déplacé*» означает одновременно «сдвинутый», «смещенный» — и «неуместный», «неадекватный», «некорректный», «непристойный» — *Прим. перев.*

следовательские труды по социальным наукам» (1975)*. Научно обоснованное (а не «спонтанное» или «еретическое») установление связи между социально иерархизированными универсумами представляло собой способ конструирования объекта, позволявший сопоставлять факторы, искажающие социальное восприятие, и одновременно превращать само производство искаженного восприятия в объект исследования: «Поля, находящиеся в самом низу легитимных иерархий, обеспечивают привилегированную возможность научной критике — позволяют ей свободно осуществляться и постигать *по доверенности* (*par procuration*), на основе гомологии между полями, обладающими разной степенью легитимности, фетишизированные социальные механизмы, которые в универсуме, защищенном высшей легитимностью, действуют под прикрытием цензуры, под масками авторитета»²⁸.

Будучи социально «неуместной», социология может быть реализована лишь ценой социологически объяснимого несогласия с «универсумом высшей легитимности», к которому себя причисляет большая часть философского корпуса. Социологический анализ философских дискурсов — столь интеллектуально легитимных и, казалось бы, столь удаленных от «власти», — обладает и научным, и политическим значением, поскольку науку о «власти» следует, по всей видимости, понимать как науку об авторитете, вернее, о разных специфических его формах. Ее объект нельзя заключить в альтернативе «власть государства» (ортодоксальный марксизм)/«распределенная микро-власть» (левачество контркультурного толка). Ее объект представляет собой не что иное, как разделение труда по символическому доминированию, и философы отлично в него вписываются. Социология философского производства, которую неверно было бы отождествлять с «империалистской» агрессией, занимает стратегическую позицию в научном проекте, призванном объективировать механизмы, порождающие легитимное представление о социальном мире. Наука о социальном мире, вернее, наука о мыслительных инструментах социального мира, задумана как наследница если не философии, то по крайней мере, той критической интенции, которой вдохновлялась традиция, восходящая к *Aufklärung*: она реализует философский императив прояснения, социологически деконструируя фетишизированные дискурсы, отмеченные «эффектом знания-незнания». В пору самого расцвета «освобожденных» доктрин, которые молчаливо оправдывают процесс символического лишения, ради которого интеллектуалы были склонны низвергать прерогативы мира «рациональной» мысли, играя на руку производителям, близким к полюсу власти, социология Пьера Бурдьё была способом утвердить — при помощи серьезной работы по реинтерпретации — союз между научным знанием и индивидуальными, а также коллективными возможностями освобождения²⁹.

* «Actes de la recherche en sciences sociales» — журнал, ставший оплотом социологической школы Бурдьё. Издается и поныне. — *Прим. перев.*

²⁸ Bourdieu P. Méthode scientifique et hiérarchie sociale des objets // Actes de la recherche en sciences sociales, № I, janvier 1975. P. 6.

²⁹ По этому поводу см. серию сообщений в первой части «Вопросов социологии» (*Question de sociologie*. Paris: Minuit, 1980), а также первую лекцию в Коллеж де Франс, опубликованную под названием *Leçon sur la leçon*. Paris: Minuit, 1982.

Нужно еще раз отметить, что эта воля к ясности была подкреплена конкретными исследованиями, а не просто заявлена как «теоретический» манифест. В середине 70-х годов осуществлен целый ряд исследований, целью которых было понять механизмы производства «риторики ложного разрыва», этой в корне политической риторики, которая позволяет преобразовывать деления социального мира в «чистые» категории ученого языка. Текст под названием «Политическая онтология Мартина Хайдеггера»³⁰ выявляет общие правила преобразования, которых требует этот объект; но прежде всего этот текст заключает в себе своеобразный «государственный переворот» в отношении доброй части философского корпуса — академических ортодоксальных и академических авангардных авторов — поскольку «социологическое прочтение» демонстрируется на примере священного автора, Хайдеггера, мыслящего о «фундаментальном», применительно к которому объективация неминуемо оставляет в тени «существенное». Ставка этого предприятия сама по себе имеет большую важность, чем мысль Хайдеггера, какой бы выдающейся та ни была. Здесь поставлен вопрос о том, может ли социология, которую терпят, пока она не покидает своих привычно «вульгарных» сфер, изучать в качестве объекта то, что составляет коллективную идентичность философов: должностную привилегию чистоты [мысли], подтвержденную авторитетом того, кто ее отстаивает в подходящих формах и формулах.

Характер социологического дискурса о «культурной традиции» можно лучше понять, если поместить работу о Хайдеггере в гораздо более широкий круг исследований об ученых дискурсах, куда нужно включить, в частности, и государственную науку*, весьма далекую от ученых комментариев. В «Производстве господствующей идеологии»³¹ изучается «научная» версия «риторики ложного разрыва»: политически легитимный дискурс о социальном мире, который, отправляясь от политико-экономического, «нейтрального» и «объективного» знания о том, что есть, сообщает о том, как должно быть. Поскольку социология не стыдилась интересоваться этими обычно деклассированными в интеллектуальных иерархиях дискурсами «технократов», она поколебала разделение интеллектуального труда, которое, с одной стороны, располагает «чистых» интеллектуалов к «легковесным» дискурсам, а с другой стороны, оставляет на долю «экспертов» преимущество отправлять компетентность, молчаливо признаваемая «рациональность» которой если и критикуется, то лишь в пророческой манере.

Накопление интеллектуального капитала социологией, заключает в себе и постоянно воспроизводит амбивалентное отношение к философии: в ситуации столкновения проблематик и/или объектов, конкуренция смешива-

³⁰ Bourdieu P. L'ontologie politique de Martin Heidegger, art.cit. (На русском языке опубликован перевод второго издания этого текста в виде отдельной книги: Бурдьё П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / Пер. с фр. Т.В. Анисимовой и А.Т. Бикбова, под ред. А.Т. Бикбова. М.: Праксис, 2003. — *Прим. перев.*).

* Под этим обозначением во Франции нередко фигурирует целый ряд дисциплин: демография, статистика, история государственных институтов, административное право и т.п. — *Прим. перев.*

³¹ Bourdieu P., Boltanski L. La production de l'idéologie dominante // Actes de la recherche en sciences sociales, № 2–3, 1976.

ется (или перемежается) с близостью. Безусловно, не было другого средства избежать «трюизмов» междисциплинарной борьбы, кроме как рассмотреть все пространство, в котором таковая разворачивается³². Так есть ли наука, более далекая от всякого позитивизма и сциентизма?³³

Перев. с фр. Анны Зайцевой

³² Рассмотреть «в качестве объекта социальный мир, которым мы захвачены» — один из основных объектов и движущих мотивов *Homo academicus* (Paris: Minuit, 1984).

³³ Акцентируя в этой работе отношение произведений Пьера Бурдьё к философскому полю, мы вынужденно абстрагируемся от свойств, которыми они обладают в силу своей принадлежности к социологическому полю, с одной стороны, и в силу включенности социологического поля в интеллектуальное поле в целом, с другой стороны. По причине ограниченности этого исследования, оно ни в коей мере не претендует в этом пункте на роль того, что могла бы совершить социальная история социологического производства. По этому поводу стоит ознакомиться с интеллектуальной автобиографией, эскизно обрисованной Пьером Бурдьё в статье «Fieldwork in philosophy» в «Началах» (Бурдьё П. Начала / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-logos, 1994).